

П. Линицкий

**Славянофильство и
либерализм**

**Опыт систематического
обозрения того и другого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Линицкий**
Славянофильство и либерализм: Опыт систематического обзора того и другого / П. Линицкий – М.: Книга по Требованию, 2015. – 262 с.

ISBN 978-5-458-55279-0

Во введении автор кратко характеризует два направления философской мысли того времени: западничество и славянофильство, их отношение к религии. В последующих главах автор рассматривает различные аспекты жизни народа, страны, анализирует их с точки зрения этих направлений, исследует мнения литературных и общественно-политических деятелей по данному вопросу (И. Киреевского, Хомякова, К. Аксакова, Белинского, Достоевского, Тютчева и др.). В заключении автор представляет общее обозрение славянофильства и либерализма, делает вывод на основании проведенного исследования.

ISBN 978-5-458-55279-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III

литературу. С. Шевыревъ о значеніи новой изящной литературы. 132—135. Необходимость сближенія Русской литературы съ народною жизнью. Какъ на дѣлѣ происходило это сближеніе и въ чемъ оно выразилось? 135—143.

XI. Отличительный характеръ Русской народности по изображенію С. Шевырева. 143—149. Сопоставленіе мифѣй Шевырева и Кавелина по этому вопросу. Какъ выразилось новое европейск. начало личности въ нашей литературѣ? 149—152. Типы характеровъ,—представленные въ нашей литературѣ лучшими писателями. 153. Различныя объясненія происхожденія отличительныхъ свойствъ Русскаго характера. 153—160. Преобладаніе эстетическаго элемента въ новомъ образованіи. 160—166.

XII. Бѣлинскій—какъ представитель эстетической критики въ нашей литературѣ. Взглядъ его на Русскую художественную литературу. Ототупленія отъ этого взгляда. Общечеловѣческое и народное—два необходимые элемента въ словесномъ искусствѣ. 166—170. Взглядъ Бѣлинскаго на древнюю и новую Русь въ связи съ опредѣленіемъ національнаго характера. Разъединеніе новаго общества, созданнаго европ. просвѣщеніемъ въ Россіи отъ низшихъ классовъ народа какъ выраженіе раздѣленія древней и новой Россіи, произведеннаго реформою Петра В. Какъ относился Бѣлинскій къ народной жизни? 170—178.

XIII. Эстетическій характеръ образованія въ нашемъ обществѣ и что было послѣдствіемъ такого характера образованія. 179—182. Связь новѣйшаго реалистическаго направленія съ идеализмомъ прежняго времени. 183—188.

XIV. О значеніи учрежденій. 188—190. Недовольство существующимъ и источникъ этого недовольства въ обществѣ. 190—194. Въ чемъ состоитъ направленіе именуемое либерализмомъ? 195—200. Натурализмъ—основаніе либерализма. 201. Главное возраженіе со стороны славянофильства противъ либерализма. 202—204. Дальнѣйшая характеристика либерализма. 204—207.

XV. Въ чемъ состоитъ *натурализмъ*. 207—212. Различіе нѣмецкаго идеализма отъ натурализма и связь его съ нимъ. 212—215. *Гуманизмъ* какъ общее основаніе того и другаго. 215—217.

XVI. *Ө. И. Тютчевъ*—объ отношеніи государства къ религіи на Западѣ 217. Возраженія противъ взглядовъ Тютчева съ точки зрѣнія либерализма. 220. Каково должно быть отношеніе государства къ религіи? 221. Какъ смотритъ либерализмъ на религію? 223—225. Возможна ли нравственность опирающаяся на основаніяхъ чисто натуралистическихъ, или иначе, научная? 225—228. Вѣра въ сверхъестественное исключается ли наукою? 228—229. Отношеніе между церковью и государствомъ по славянофильскому ученію. 230—236.

XVII. Общее заключительное обзорѣніе и обсужденіе славянофильства и западничества. Стр. 236—255.

Въ нашей литературѣ, а особенно въ журналистикѣ, рѣзко выступаютъ два направленія: *славянофильство* и *либерализмъ*. Направленія эти давно уже сдѣлались общезвѣстными не по однимъ только именамъ; скольконибудь внимательный, понимающій дѣло читатель, встрѣчаясь съ разнообразными взглядами и сужденіями журналистики по тѣмъ или инымъ вопросамъ и явленіямъ жизни, безъ труда опредѣлитъ: какому изъ названныхъ направленій слѣдуетъ отнести тотъ или другой взглядъ, то или другое рѣшеніе вопроса. Но какъ ни легко распознаются оба направленія при встрѣчѣ съ отдѣльными взглядами и мнѣніями, проводимыми въ данномъ случаѣ съ той или другой стороны,—представить въ скольконибудь связномъ видѣ какъ то такъ и другое направленіе, вывести основныя понятія или принципы обоихъ направленій—задача эта представляетъ не мало трудностей. Дѣло въ томъ что ни то, ни другое направленіе не было выражено въмѣ либо изъ признанныхъ представителей этихъ направленій въ связномъ систематическомъ видѣ. Да и не могло этого быть, потому что какъ славянофильство, такъ и либерализмъ всегда вращались въ сферѣ вопросовъ и идей преимущественно практическихъ, а потому значительно измѣнялись вмѣстѣ съ перемѣною историческихъ обстоятельствъ и условій общественной жизни: ни то ни другое направленіе не могло такъ обр. сложиться въ строго опредѣленную, законченную систему. Отсюда проистекаетъ возможность и даже неизбѣжность перетолкованій, каковымъ подвергаются понятія и взгляды характеристическіе

для того и другого направленія. Но крайней мѣрѣ нерѣдко представители обоихъ направленій обвиняютъ въ этомъ своихъ противниковъ. Нельзя поэтому не признать, по крайней мѣрѣ, неизлишне даже слабую попытку представить, хотя бы въ общихъ чертахъ, характеристику обоихъ направленій, господствующихъ и въ литературѣ и въ обществѣ.

Направленіе, извѣстное теперь подъ именемъ либерализма, прежде называлось *западничествомъ*. Такое названіе оправдывается тѣмъ, что направленіе это обнаруживалось главнымъ образомъ въ крайней приверженности ко всѣмъ формамъ и явленіямъ блестящей образованности западныхъ народовъ, въ сравненіи съ которою наше отечество представлялось грубымъ и невѣжественнымъ. Отсюда рабское поклоненіе всему иноземному, пренебреженіе своимъ роднымъ, и страсть къ подражанію западнымъ образцамъ—таковы крайнія проявленія западничества. Стремленіе къ усвоенію западнаго образованія было въ началѣ вполнѣ законнымъ и необходимымъ явленіемъ въ исторіи нашего общественнаго развитія. Не могло же наше отечество оставаться навсегда замкнутымъ и чуждающимся всякаго чужеземнаго вліянія. Но насколько прежде сильно было недовѣріе ко всему иноземному, на столько же неумѣренно было потомъ увлеченіе всѣми формами западнаго просвѣщенія. Ложность этого увлеченія сказывалась въ особенности въ томъ что, оставляя безъ вниманія самыя корни, изъ которыхъ выросла западная цивилизація, и на которыхъ она держится, перенимали безъ разбора однѣ лишь наружныя формы, и такимъ образомъ, вмѣсто дѣйствительнаго усвоенія западной образованности, явилась лишь пустая, суетная подражательность.

Въ смыслѣ литературнаго направленія эта подражательность первоначально выразилась въ заимствованія образцовъ или формъ литературныхъ произведеній, а также въ образованіи литературнаго языка сообразно съ конструкціею иностранныхъ вполнѣ выработанныхъ языковъ (преимущественно французскаго), причемъ множество иностран-

ныхъ терминновъ вошло въ нашу рѣчь ¹⁾). Но рядомъ съ заимствованіемъ формъ рѣчи шло также усвоеніе и самыхъ идей и доктринъ, господствовавшихъ въ западныхъ литературахъ, и прежде всего—французскаго скептицизма и сенсуализма (вольтерьянство); легкому подвижному языку гостинныхъ соотвѣтствовалъ такой же образъ мыслей. Съ другой стороны люди отличавшіеся болѣе серьезнымъ и строгимъ характеромъ были увлечены нѣмецкимъ мистицизмомъ (масонство). Иноземныя вліянія распространялись двоякимъ способомъ: частію посредствомъ заграничныхъ путешествій, которыя сдѣлались модою въ высшемъ классѣ, а частію путемъ домашняго образованія, которое производилось при помощи иностранныхъ педагоговъ и состояло главнымъ образомъ въ изученіи иностранныхъ литературныхъ произведеній. Когда же правительство наше, въ видахъ преуспѣянія наукъ и искусствъ въ нашемъ отечествѣ, стало посы-

---

¹⁾ Объ этомъ Хомяковъ такъ говоритъ: „Многачо лишило насъ ложное направленіе нашего просвѣщенія. Введеніемъ стихій иноземныхъ въ языкъ и бытъ оно уединило такъ назыв. образованное общество отъ народа: оно разорвало связь общенія и жизни между нами. Вслѣдствіе этого у насъ составилса сперва искусственный книжный языкъ,—черствый и педантскій, испещренный школьными выраженіями, холодный и безжизненный. Мало по малу онъ сталъ извѣщаться. Мѣсто школьной пестроты заступила пестрота словъ и особенно оборотовъ, вятыхъ изъ современныхъ языковъ иностранныхъ: черствость, тяжелая важность и пышная растаутость замѣнились валомъ слабостію, вѣтренною легкостію и болтливимъ многословіемъ: но и прежняя княжность неволиѣ потеряла своя права, украшая новую легкость старомъ неуложестію и слабую пошлость школьною важностію“. „Разумѣется, замѣчаетъ при этомъ Хомяковъ, должно изъ этого сужденія исключить лучшихъ писателей“. Наконецъ вся эта книжная смѣсь, продолжаетъ онъ, уступила мѣсто новому нарѣчію. Созданное въ гостинныхъ, въ которыхъ недавно еще говорили только пофранцузски, и теперь еще говорятъ наполовину не порусски, обдѣланное и подведенное подъ правила грамотаема, совершенно не знакомна съ духомъ русскаго слова, похожее на рѣчь иностранца, выучавшагоса чужому языку, котораго жизни онъ себѣ усвоить не могъ, мертвое и вялое, оно выдаетъ себя за живой русскій языкъ“. Полн. собр. сочин. Т. 1. стр. 483 (изд. 1861 г.).

латъ за границу, для дальнѣйшаго усовершенствованія, пѣ-
которыхъ изъ окончившихъ образованіе въ нашихъ школахъ,
то вліяніе иноземныхъ ученій, чрезъ посредство школы и
литературы, стало распространяться и въ среднемъ классѣ,
между тѣмъ какъ прежде вліяніе это ограничивалось преи-
мущественно высшимъ классомъ общества; и кромѣ того,
вліяніе это приобрѣло большую опредѣленность; ибо уже
не ограничивались легкимъ поверхностнымъ знакомствомъ съ
литературными произведеніями Запада и такимъ же усвоені-
емъ идей запад. просвѣщенія, но болѣе или менѣе системати-
чески изучали различныя доктрины Запада въ ихъ первоначальныхъ источникахъ. Этимъ путемъ въ особенности рас-
пространилось у насъ вліяніе нѣмецкой философіи преимуще-
ственно Шеллинга и Гегеля. Все это факты общеизвѣст-
ные. Напоминаемъ ихъ для того, чтобы представить въ об-
щихъ чертахъ происхожденіе господствующихъ направле-
ній нашего просвѣщенія, особенно славянофильства. Въ
виду отмѣченныхъ выше фактовъ возникновеніе послѣдня-
го — понятно.

Чѣмъ очевиднѣе были тѣ крайности, до которыхъ до-
ходило увлеченіе всѣмъ иностраннымъ и въ жизни и въ ли-
тературѣ, тѣмъ рѣшительнѣе было недовольство и сопро-
тивленіе этому направленію, во имя національнаго достоин-
ства и самобытнаго развитія, — со стороны людей наиболѣе
приверженныхъ къ условіямъ и формамъ своего отечествен-
наго быта. Подобно тому какъ усвоеніе западнаго просвѣ-
щенія въ литературной области выразилось преобразованіемъ
языка и внесеніемъ въ него множества иностранныхъ тер-
миновъ и оборотовъ, — стремленіе отстоять самобытность и
независимость литературнаго развитія обнаружилось прежде
всего тѣмъ, что возставали противъ употребленія иностран-
ныхъ словъ и старались замѣнять ихъ русскими рѣченіями
(Шишковъ), а французской легкости, какую усиливались
сообщить впоследствии нашему литературному языку, про-
тивопоставляли важность и достоинство формъ и оборотовъ

славянскаго языка, который былъ у насъ прежде языкомъ письменности (отсюда кажется произошло и названіе славянофильства). Въ связи съ этимъ противъ вреднаго вліянія французскаго сенсуализма и скептицизма, порождавшаго легкомысліе въ понятіяхъ и нравахъ, а также противъ дву-смысленнаго нѣмецкаго мистицизма старались опереться на простомъ, ясномъ, для всякаго близкомъ православіи, какъ источникъ народнаго просвѣщенія и главнымъ основаніемъ народнаго быта ¹⁾. До ближайшаго знакомства съ европейскою гражданственностію и наукою все наше отечественное просвѣщеніе имѣло характеръ преимущественно религіозный. Понятно, что и противодѣйствіе крайнему увлеченію всѣмъ чужеземнымъ могло находить для себя опору единственно въ источникъ духовно-религіознаго просвѣщенія, въ православіи.

Но когда возникло опасеніе, чтобы и самая шйшала не сдѣлалась жертвою вредныхъ увлеченій и не подпала вліянію западныхъ ученій, то рѣшились воспользоваться, какъ орудіемъ для противодѣйствія подобнымъ увлеченіемъ, вліяніемъ религіи. Послѣдствіемъ этого было то, что многіе въ нашемъ

---

¹⁾ Часто занималъ меня вопросъ (говорить въ своихъ воспоминаніяхъ графъ М. В. Толстой): зачѣмъ какой-то таинственный, своеобразный путь къ исправленію нравственнаго характера и къ преуспѣванію въ добродѣтеляхъ, когда есть у насъ открытый, прямой путь въ божественномъ откровеніи и ученіи св. церкви? Зачѣмъ руководствоваться какими-то многобѣдными книгами, часто несогласными съ догматами православной церкви, а иногда даже богохульными (какъ напр. „Гайство Креста“ и нѣкоторыя статьи „Сіонскаго Вѣстника“), когда для насъ всегда готовы душеполезныя творенія отцевъ церкви? Зачѣмъ „пить изъ сокрытыхъ и, можетъ быть, нечистыхъ кладезей, когда есть у насъ источникъ воды живой, дарованной намъ самимъ Богомъ?“. Такъ выразился о масонахъ митрополитъ Филаретъ, самъ наклонный къ мистицизму въ началѣ своего поприща. „Зачѣмъ, по словамъ одного изъ умѣвшихъ писателей нашего времени, заходить къ Богу съ заднаго крыльца, когда переднее открыто?“. На эти вопросы я самъ себѣ не умѣлъ отвѣчать и не могъ получить разъясненія отъ тѣхъ, къ которымъ обращаю за софтомъ. — Самая таинственность масонскаго ученія заставляетъ сомнѣваться въ чистотѣ его. Рус. Архивъ 1881, II, стр. 67.

еще малообразованномъ обществѣ, и именно приверженцы западнаго просвѣщенія, на религію стали смотрѣть какъ на орудіе деспотизма; утвердилось мнѣніе, признававшее религіозность признакомъ невѣжества, либо лицемѣрія; казалось многимъ что религія и просвѣщеніе не совмѣстимы ¹⁾. И этого тѣмъ болѣе слѣдовало ожидать, что и на Западѣ свѣтское образованіе давно уже разошлось съ религіею и относилось къ ней то съ враждою, то съ индифферентизмомъ, если не съ пренебреженіемъ. Наши слѣпые приверженцы западнаго просвѣщенія не хотѣли или не могли понять что тамъ новое свѣтское образованіе развилось и окрѣпло путемъ рѣшительной борьбы противъ богословскаго схоластическаго образованія, которое стремилось удержать исключительное господство и въ наукѣ и въ жизни. У насъ же духовное просвѣщеніе само по себѣ не было враждебно и не противодействовало новому свѣтскому образованію; напротивъ были въ числѣ представителей духовнаго просвѣщенія усердые почитатели и пособники просвѣтительной дѣятельности великаго преобразователя Россіи, и наоборотъ, весьма многіе изъ высшаго служилаго класса долгое время не обнаруживали особой воспріимчивости въ отношеніи къ высшимъ умственнымъ интересамъ, не смотря на усилія правительства воз-

---

¹⁾ Какъ на одно изъ обстоятельствъ, сильно дѣйствовавшихъ на умъ въ направленіи неблагопріятномъ для религіозной вѣры, Ю. Самаринъ прежде всего указываетъ на „фактъ церковной казенщины, иначе—подчиненія вѣры вѣшнымъ для нея цѣлямъ узкаго, оффиціальнаго консерватизма“... „Когда пускается въ оборотъ мысль подъ явнымъ клеймомъ невѣрія, она возбуждаетъ въ совѣсти, если не противодействіе, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую къ себѣ недоувѣрчивость, какъ выраженіе нескрываемой вражды. Но когда оффиціальныи консерватизмъ, подъ предлогомъ охраненія вѣры, благоволяетъ къ ней и благочестивой заботливости о ея нуждахъ, мнѣтъ и душить ее въ своихъ безцеремонныхъ объятіяхъ, давалъ чувствовать всѣмъ и каждому, что онъ дорожитъ ею ради той службы, которую она несетъ на него, тогда, очень естественно, въ обществѣ зарождается мнѣніе, что такъ тому и слѣдуетъ быть, что много отъ вѣры и ожидать нельзя, и что дѣйствительно таково ея назначеніе. Это убиваетъ всякое уваженіе къ вѣрѣ. См. предисл. въ собраніи сочин. Хомякова, Т. II, стр. VI.

будить преимущественно въ этомъ классѣ стремленіе къ образованію.

Когда, въ слѣпкомъ увлеченіи примѣромъ западныхъ просвѣтителей, стали у насъ смотрѣть на религію какъ на порожденіе и область суевѣрія и невѣжества, какъ на орудіе своекорыстнаго деспотизма, то противники крайнихъ увлеченій иноземною цивилизаціею, не только лишенною религіознаго духа, но и враждебною религіи,—должны были систематически, научнымъ образомъ, отстаивать незамѣнимую для насъ важность религіознаго просвѣщенія. Они доказывали, что мы не только не имѣемъ основаній враждовать противъ религіи, напротивъ имѣемъ всѣ основанія всего болѣе дорожить ею, такъ какъ въ ней именно заключается источникъ и охрана нашей національной самобытности. А такъ какъ, съ другой стороны, именно въ православіи содержится въ чистомъ и безпримѣсномъ видѣ истинное христіанство; въ западныхъ же вѣроисповѣданіяхъ оно представляется болѣе или менѣе искаженнымъ, то нельзя при томъ не видѣть, по мнѣнію славянофиловъ, великаго счастья и преимущества предъ другими европейскими народами для нашего народа въ томъ именно, что оныя принявъ и усвоилъ христіанскую истину въ первоначальномъ и совершенномъ ея видѣ. Такимъ образомъ православіе, какъ изначальная и необходимая принадлежность нашей народной жизни, по ученію славянофиловъ, составляетъ не только необходимое условіе самобытности, независимости этой жизни, но, что особенно важно, великое и рѣшительное *преимущество* ея въ сравненіи съ отличительнымъ характеромъ національной жизни другихъ европейскихъ народовъ. Придавая столь рѣшительное значеніе, по отношенію къ народной нашей жизни, религіозной вѣрѣ нашего народа, славянофилы могли разъяснить отличительный характеръ этой вѣры, и доказывать свой тезисъ о національномъ значеніи ея конечно не иначе, какъ посредствомъ сопоставленія и сравненія ея съ отличительнымъ характеромъ религіозной

жизни на западѣ. Вотъ почему западно-европейское просвѣщеніе, съ цѣлю критической оцѣнки этого просвѣщенія, славянофилы обыкновенно разсматривали со стороны религіознаго его характера; отличительный характеръ западнаго просвѣщенія опредѣлялся для славянофиловъ, главнымъ образомъ, характеромъ религіозной жизни у западныхъ народовъ. Посмотримъ же, какъ именно сложился и былъ развиваемъ славянофилами этотъ взглядъ на западно-европейское просвѣщеніе, которымъ имѣлось въ виду доказать превосходство нашего самобытнаго просвѣщенія, основаннаго на религіозной вѣрѣ, и какъ понимался этотъ самобытный характеръ нашей народной жизни.

I.

„Европейское просвѣщеніе во второй половинѣ XIX в., говоритъ И. В. Кирѣевскій, достигло той полноты развитія, гдѣ его особенное значеніе выразилось съ очевидною ясностію для умовъ хотя нѣсколько наблюдательныхъ. Но результатъ этой полноты развитія, этой ясности итоговъ былъ почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды“. Причина такого состоянія европ. просвѣщенія, по объясненію Кирѣевского, заключается въ слѣдующемъ: „многовѣковый холодный анализъ разрушилъ всѣ тѣ основы, на которыхъ стояло европ. просвѣщеніе отъ самаго начала своего развитія, такъ что собственныя его коренныя начала, изъ которыхъ оно выросло, сдѣлались для него посторонними, чужими, противорѣчащими его послѣднимъ результатамъ, между тѣмъ какъ прямою его собственностію оказался этотъ самый, разрушившій его корни, анализъ, этотъ самодвижущійся ножъ разума, этотъ отвлеченный силлогизмъ (?), непризнающій ничего *кромя себя и личнаго опыта*, этотъ самовластный рассудокъ, или какъ вѣрнѣе назвать эту логическую дѣятельность, отрѣшенную отъ всѣхъ другихъ познавательныхъ связей человѣка, кромѣ самыхъ гру-